

— Э-э, это нужно спросить у его матери, — ответил секретарь Чжэн. Он был парнем с густыми бровями и большими глазами, отчего эти слова прозвучали на редкость серьезно.

— Спросить у матери, говоришь? — задумчиво кивнул Гао Юйшэн. Он свернул в трубочку лежавший перед ним лист бумаги и с негромким «хлоп» опустил его на голову секретаря. — Я тебя спрашиваю: по документам он родной сын или приемный?!

— Про домовую книгу не знаю, но соседи говорят, что родной, — обхватив голову руками, затараторил секретарь Чжэн, выкладывая все как на духу. — Моя тетя знакома со старушкой, которая живет напротив них. В субботу она ходила все разузнать. Его отца зовут Чжай Цзяньго, мать — учительница, но соседи ее уже несколько лет не видели. Покойную сестру звали Чжай Сиюэ. Еще есть приемный брат по имени Фан Чуян, только неизвестно, кто из них старше, а кто младше. Чжай Чэнь с самого детства жил в том микрорайоне, так что он, должно быть, родной.

— Невозможно. — Гао Юйшэн снова разгладил лист формата А4 и сел обратно в кресло, надолго замолкнув.

Чжэн Цзин тихонько попятился к двери:

— Генеральный директор Гао, если больше ничего не нужно, я пойду?

— Чжэн Цзин, — Гао Юйшэн, вертя в пальцах свернутую из полотенца мышку, окликнул секретаря, который уже занес ногу над порогом. — Если бы у тебя было что-то, в чем ты не уверен, но очень хотел бы, чтобы это оказалось правдой, как бы ты поступил?

Секретарь Чжэн повернулся и почесал затылок. Вдруг его осенило. Он подбежал к стойке администратора, вытащил из цветочной корзины герберу и протянул ее боссу:

— Гадайте на лепестках!

Гао Юйшэн медленно поднял голову и посмотрел на своего секретаря взглядом, глубоким и неподвижным, словно вода в старом колодце.

— В сериалах всегда так делают. Отрывают по одному и приговаривают: «правда — неправда, правда — неправда». Какой лепесток останется последним, то и сбудется, — искренне посоветовал секретарь Чжэн.

— Логично, — кивнул Гао Юйшэн.

Секретарь Чжэн удовлетворенно улыбнулся, мысленно порадовавшись, что он действительно доверенное лицо босса. Надо же, только перед ним директор ведет себя как обычный двадцатитрехлетний парень — так искренне и мило. С улыбкой любящего отца он решил тактично удалиться. Но стоило его руке коснуться дверной ручки, как из-за спины донесся злобный голос босса:

— Секретарь Чжэн, ваша премия за этот месяц аннулирована.

Едва секретарь Чжэн вышел, как дверь приоткрылась, и вошел другой секретарь, Хао Сюэ:

— Босс, согласно расписанию, вам пора отправляться в технопарк.

Гао Юйшэн кивнул, убрал мышку из полотенца в ящик стола, снял с вешалки пиджак и

набросил его на руку. Секретарь Хао собрал со стола подписанные документы, сложил их в папку и последовал за ним из кабинета. У дверей их уже ждал руководитель отдела исследований и разработок, который должен был поехать вместе с ними.

Когда босс и сотрудники отдела разработок ушли, секретарь Хао разнес подписанные срочные документы по отделам. Чжэн Цзин, в это время жаловавшийся на жизнь менеджеру по персоналу, с унылым видом спросил его:

— Послушай, Хао Сюэ, мы оба секретари, но почему тебя никогда не лишают премии?

Секретарь Хао протянул документ менеджеру по персоналу и одним пальцем поправил свои безоправные очки:

— Я задавал этот вопрос Сири нашего босса. Она ответила, что когда эти деньги выплачивают — это премия, а когда вычитают — налог на глупость.

...

Чжэн Цзин с открытым ртом застыл на месте, а затем повернулся к менеджеру по персоналу:

— Ведь кастомную Сири шефа никому постороннему трогать нельзя, верно?

Сотрудница отдела кадров сочувственно похлопала его по плечу:

— Ну... секретарь Хао всегда выражается довольно мягко.

...

Когда Гао Юйшэн со своими спутниками зашел в лифт, они встретили Сюй Цзяо — сотрудницу отдела маркетинга, чьи глаза покраснели от слез. Сюй Цзяо была миниатюрной девушкой. Она то и дело всхлипывала, но, заметив их, поспешила поздороваться:

— Генеральный директор Гао, я пойду навещу Тинтин. Можно мне взять отгул на сегодня?

Эта девушка училась в университете на Тайване и говорила с характерным пекинско-тайваньским акцентом. Обычно коллеги любили подшучивать над ней, но сейчас ни у кого не было настроения, и все молчали.

Вид этого крошечного, милого создания, заходящегося в рыданиях, растопил бы сердце Чжай Чэня — он наверняка не удержался бы, достал салфетку и попытался ее утешить. Но Гао Юйшэн, не отличавшийся чуткостью к женским слезам, лишь слегка кивнул, разрешая ей уйти с работы.

Другие полицейские в участке растащили их, так что Чжай Чэню не удалось избить этого прожженного типа до полусмерти. Впрочем, стражи порядка явно не собирались привлекать его за «нападение на сотрудника полиции», а молодой полицейский, ведший протокол, даже тайком показал ему большой палец. Участковые крутились целыми днями как белки в колесе, и, судя по всему, этот «важный господин» давно сидел у них в печенках.

Провозившись в участке довольно долго, Чжай Чэнь наконец вышел на улицу и сразу же столкнулся с Сюй Цзяо, которая пришла разузнать новости.

— Ты ведь тот самый братик-телохранитель, да?

Девушка была на целую голову ниже его. Из-за того, что она подошла слишком близко, взгляд Чжай Чэня прошел поверх ее макушки, и он едва ее заметил. Опустив глаза, он отозвался:

— А, вы?..

— Я ее коллега и лучшая подруга, меня зовут Сюй Цзяо. Я видела тебя, когда ты забирал ее с работы. — В такую жару бедняжка бежала всю дорогу, так что пот и слезы размазали ее макияж. Узнав, что тело уже увезли на экспертизу, квартиру временно опечатали и войти туда нельзя, а подробности дела не разглашаются, она снова расплакалась.

Чжай Чэнь не знал, что делать с ее слезами, поэтому отвел девушку в чайную лавку на углу, чтобы выпить по стаканчику прохладительного.

— Тинтин точно не могла покончить с собой! Это сто процентов дело рук этого ублюдка Ван Цзинхана! — Сюй Цзяо с силой втянула через трубочку ледяной молочный чай.

Чжай Чэнь снял крышку со своего холодного лимонада и, держа стакан одной рукой, принялся медленно пить, слушая, как девушка со своим модным пекинско-тайваньским акцентом гневно рассказывает о Ли Тин.

Ли Тин познакомилась с Ван Цзинханом, когда искала жилье. Он был из тех местных жителей Цайчжуана, чьи дома пошли под снос. Раньше Цайчжуан представлял собой огромный пригородный поселок, где у каждой семьи стоял дом высотой как минимум в три этажа. После сноса и переселения все они в одночасье превратились в богачей. В то время Ли Тин только окончила магистратуру, ничего толком не знала о жизни и поддалась на сладкие речи Ван Цзинхана. Они встречались какое-то время, но вскоре стало ясно, что их образование и кругозор слишком разные. Ли Тин захотела расстаться, но Ван Цзинхан наотрез отказался. Сначала он устраивал сцены, угрожая прыгнуть с крыши или вскрыть вены, а потом начал преследовать ее по пятам.

— Он говорил, что если Тинтин не будет с ним, то он ее уничтожит, — Сюй Цзяо искусала трубочку до плоского состояния, и из ее глаз снова хлынули слезы.

Чжай Чэнь протянул ей салфетку: «То есть, Ван Цзинхан — из Цайчжуана, значит, он знаком со всеми жителями нового района Цайчжуана?»

Чжай Чэнь протянул ей салфетку:

— Получается, Ван Цзинхан родом из Цайчжуана. Значит, он знает всех в Новом городе Цайчжуан?

— Арендодателей точно всех знает, они ведь из одной деревни. А вот жильцов — вряд ли. — Об этом она уже рассказала полиции, когда те приходили в их компанию с расспросами. Девушка очень надеялась, что этого подонка наконец поймут.

Они обменялись номерами телефонов — точнее, Сюй Цзяо сама настояла на том, чтобы Чжай Чэнь оставил ей свой контакт.

— Я знаю, что все это тебя не касается... Просто мне очень тревожно. Ты ведь тот самый герой, который побил Ван Цзинхана. Если у меня будет твой номер, мне станет спокойнее.

— Всего лишь работа.

Герой?

Чжай Чэнь покачал головой, закинул сумку на плечо и глубоко вздохнул. В лицо ударил поток горячего воздуха, смешанного с автомобильными выхлопами. Этот типично летний запах заставил его трижды закашляться. В его юности, таким же душным летом под непрекращающийся стрекот цикад, перебинтованный Чжай Цзяньго, скалясь от боли, говорил ему: «Да какие еще герои? Обычный человеческий инстинкт, только и всего».

Вечером, забрав племянника из детского сада, Чжай Чэнь посадил его на плечи и отправился в полицейский участок узнавать, как продвигается расследование. Он приходил туда три дня подряд и успел свести близкое знакомство с тем молодым полицейским. Парень недоумевал: этот человек не был покойной ни родственником, ни близким другом — просто временно нанятый телохранитель без лицензии. Если бы не железное алиби Чжай Чэня, полицейский наверняка заподозрил бы, что тот пытается выведать информацию из чувства вины, как настоящий убийца.

— Мой контракт еще не истек, — ответил Чжай Чэнь. — Смерть клиента во время работы — это позор для моей карьеры. Раз уж я не смог уберечь человека, то хотя бы помогу восторжествовать справедливости. — Эти слова прозвучали так отважно и пафосно, что для полноты картины не хватало только патриотической музыки на заднем плане.

Молодой полицейский проникся глубоким уважением к его профессионализму и по секрету поделился сведениями:

— Судмедэксперты провели расчеты. Траектория падения не совпадает с показателями свободного падения, так что было вынесено заключение: ее сбросили. Но зацепок по поводу убийцы пока нет. Дело передали в городское управление, оттуда уже направили людей для помощи в расследовании.

Помощь из городского управления означала, что за дело возьмется уголовный розыск во главе с Фан Чуяном. Чжай Чэнь похлопал молодого полицейского по плечу:

— Спасибо, дружище. Но больше такие вещи никому не рассказывай. А вдруг я и есть убийца?

Последние слова он прошептал ему на ухо. Молодой полицейский замер с широко раскрытыми глазами, словно котенок, напуганный хорьком, и у него буквально шерсть встала дыбом.

Этот паренек только недавно заступил на службу и обычно разбирался с бытовыми дразгами местных жителей, поэтому Чжай Чэню и удалось так легко выудить из него сведения. Если бы подобную оплошность допустил кто-то из подчиненных Фан Чуяна, заместитель капитана Фан мигом огрел бы его дубинкой и вышвырнул из отдела уголовного розыска.